

КРИСТИНА БРУК

МОЙ ПРЕКРАСНЫЙ
НЕГОДЯЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Б89

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Christina Brooke

LONDON'S LAST TRUE SCOUNREL

Перевод с английского *С.А. Горячевой*

Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства St.Martin's Press,
LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Брук, Кристина.

Б89

Мой прекрасный негодяй : [роман] / Кристина Брук ; [пер. с англ. С. А. Горячевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-082560-8

Красавец Джонатан Уэструдер, граф Давенпорт, самый отпетый повеса и самый опасный соблазнитель Лондона, возвращается в столицу — и вовсе не против взять в дороге под свое крыло прелестную попутчицу Хилари Девер.

Увы, его надеждам на приятное приключение не суждено сбыться: происходящая из отвергнутой светом семьи, Хилари, чья единственная надежда на лучшее будущее — respectable-ный брак по расчету, не может рисковать своей репутацией. И чем больше вошедший в азарт Давенпорт старается обольстить ее, тем стремительнее охотничий инстинкт в его душе обращается в подлинную, страстную любовь...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Christina Brooke, 2013

© Перевод. С.А. Горячева, 2014

ISBN 978-5-17-082560-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Джонатан Уэструдер, граф Давенпорт, окинул взглядом троих мужчин, стоявших перед ним. Пожалуй, решил он про себя, вместе они представляли собой весьма внушительное зрелище — высокие, мускулистые, с той высокомерной манерой держаться, которую Уэструдеры успели отточить до совершенства за столетия непрерывного господства.

— Какими старыми брюзгами вы стали, — произнес он с ленивой усмешкой. — Что еще я натворил на этот раз?

Лорд Бекингом, старший из его кузенов, строго взглянул в его сторону — строже, чем обычно, что само по себе говорило о многом любому, кто хорошо знал Бекингема.

— Дело не в том, что ты натворил на этот раз, а в том, что ты делал с самого момента своего возвращения и продолжаешь делать до сих пор. Этот разгульный, беспечный образ жизни...

— Не надо читать ему нотации, Бекс, — произнес виконт Лидгейт, высокий, светловолосый, безупречно одетый джентльмен, за чьей внешней утонченностью скрывалась способность драться не хуже любого уличного головореза. — Где и когда мужчина прислушивался к подобной чепухе? — Он перевел холодный взгляд голубых глаз на Давенпорта: — Ты стал предметом пересудов для всего Лондона. Подумай хотя бы о Сесили, если не об остальных.

— Сесили? — переспросил Давенпорт в замешательстве.

— Твоей сестре, старина, на тот случай, если твой одурманенный спиртным мозг еще не забыл о ее существовании, — огрызнулся Лидгейт. — Твое поведение сильно ее огорчает. Уже одного этого должно быть достаточно, чтобы взяться за ум.

Сесили совсем недавно стала герцогиней Ашборн и, насколько мог судить Давенпорт, была до отвращения счастлива в браке. Впрочем, он всячески старался избегать общества сестры и потому мог ошибаться на сей счет.

Хм. Огорчает? Ее? При этих словах Давенпорт ощутил слабое подобие... некоего чувства. Однако чем бы это чувство ни было, он не стал показывать его в присутствии трех своих кузенов.

С нарочито высокомерным видом граф вынул карманные часы, проверил время и выразительно зевнул. Затем он наклонил голову в сторону Стейна и стал ждать.

На лице Стейна застыло его обычное презрительно-насмешливое выражение. Ксавье, маркиз Стейн, мог быть весьма неприятным человеком, но по крайней мере он сам не чуждался пороков.

— О да, я прекрасно понимаю, как это выглядит со стороны. — Стейн нахмурился. — Я не тот человек, который вправе учить других правилам приличия. Но есть разница. Мои грехи, пусть даже имя им — легион, никогда не вызывали вульгарного скандала. Ты же ходишь по самому краю пропасти.

— И мы твердо намерены оттащить тебя подальше от этой пропасти, — процедил сквозь зубы Бекингом, — даже если для этого понадобится связать тебя по рукам и ногам и сунуть в рот кляп.

При мысли о возможном физическом насилии морщины на лице Давенпорта разгладились.

— Что ж, попробуйте.

Несмотря на маячившую в ближайшем будущем перспективу хорошей драки, его терзало сознание несправедливости всего происходящего. Он был официально воскрешен из мертвых со всеми шумом и помпой, прису-

щими фантазмагорическим празднествам Принни*, но ирония заключалась в том, что самому Давенпорту было безразлично, жив он или умер. Слишком поздно он понял, что цена за его возвращение к жизни оказалась непомерно высокой. Ни угрозы кузенов, ни неустанные проявления сестринской любви со стороны Сесили не способны были развеять роковые тучи над его головой.

Он потерял труд всей своей жизни, а вместе с ним и ее смысл. Теперь он пустился во все тяжкие, наживая себе одну неприятность за другой.

— Ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности рядом с тобой, — произнес Лидгейт, его обычно добродушно-веселое лицо сделалось жестким и презрительным. — Эта интрижка с леди Марией... ты должен немедленно положить ей конец.

Ах да. Леди Мария Шанд. Давенпорт задумался, подперев руками подбородок. Ее двойственная натура всегда интриговала его. В бальном зале она выглядела обычной чопорной, благовоспитанной барышней, но стоило оказаться с ней наедине при лунном свете, как ее изящные ручки очень быстро начинали шарить по мужским панталонам. Впрочем, женщины — в особенности женщины одного с ним круга — были настолько связаны всевозможными нелепыми правилами и условностями, что вынуждены были отказываться от самых естественных биологических наклонностей и желаний. Ученый в нем яростно протестовал против подобного подавления инстинктов, и он считал долгом принести освобождение как можно большему числу дам. Но прежде чем Давенпорт успел согласиться на недвусмысленное предложение удовлетворить свою похоть между изящными бедрами леди, он сделал одно шокирующее открытие. В то время как им двигало похвальное стремление избавить леди Марию от оков

* Насмешливое прозвище принца-регента Георга, принца Уэльского, который в 1811—1820 гг. управлял государством в связи с психическим заболеванием своего отца Георга III, а впоследствии стал королем Георгом IV (1820—1830). — *Здесь и далее примеч. пер.*

приличий, сама она намеревалась приковать его к себе узами брака. Его остановил не страх перед неминуемым скандалом, а внезапное осознание того, что пылкие поцелуи леди Марии носили на себе горький привкус обмана.

Таким образом, предостережения его кузенов оказались и запоздалыми, и излишними. Давенпорт еще накануне поцеловал леди Марию в последний раз — без всякой затаенной злобы или сожалений, по крайней мере с его стороны.

Эта связь могла причинить неудобства и во многих других отношениях, ибо отец леди Марии, лорд Ярмут, в прошлом был чем-то вроде наставника для Давенпорта.

— Как ты и говорил, Лидгейт, нотации тут не помогут. — Стейн нарочито медленно положил обе руки на подлокотники кресла Давенпорта и наклонился вперед, выражение его лица сделалось угрожающим. — Отправляйся в деревню, — произнес он. — Уезжай из Лондона и никогда больше сюда не возвращайся.

— Что, никогда? — переспросил Давенпорт, делая вид, что все это его ужасно забавляет. В конце концов, что мог сделать ему Стейн? — Я так не думаю.

Граф осушил бокал бренди, который оставил недопитым на столике под рукой. Небольшое количество спиртного, казалось, отрезвило его, а не наоборот. С какой стати он сидел тут, в библиотеке Стейна, смиренно выслушивая его упреки? Он ведь давно уже не школьник!

«Отправляйся в деревню». Черта с два! С тем же успехом он мог бы повеситься на ближайшем дереве. В деревне у него будет слишком много свободного времени, чтобы размышлять над той зияющей пустотой, в которую превратилась его жизнь. Если он будет постоянно чем-то занят, все время пребывая в движении, то, возможно, сумеет справиться с этим демоном, хотя бы на некоторое время. Ему был нужен Лондон — Лондон с его зловонием, разгульной жизнью, доступными женщинами, бесконечными и бессмысленными развлечениями, доступными джентльмену с его состоянием и положением в обществе. Давенпорт надеялся, что его пове-

6 больше предложить миру науки, который он оставил

далеко позади. И все же после всех его усилий пустить им пыль в глаза кто-то до сих пор выслеживал его.

Вот и еще одна причина, чтобы остаться в Лондоне. Гораздо проще скрыться в оживленной столице, где он мог избежать слежки, сделав вид, что не заметил таинственного незнакомца, преследовавшего его. В деревне сделать это было почти невозможно.

Давенпорт сам не понимал, почему до сих пор не положил конец всей этой истории. Видимо, еще одно следствие общего недомогания, которое он ощущал с тех пор, как вернулся к своей прежней жизни.

Он поднялся, но каждое движение как будто давалось ему с трудом. После стольких бурных бессонных ночей...

Его вдруг охватила смертельная усталость, утомление, от которого защемило в груди. Бекингом предсказывал, что рано или поздно ему придется расплачиваться за свой образ жизни, и Давенпорту показалось, что его кузен прав.

Он вдруг пошатнулся, вытянул вперед руку и услышал, как бокал выпал из его рук и, тихо звякнув, покатился по полу.

У Давенпорта все поплыло перед глазами, он прищурился, пытаясь сосредоточиться на лице Ксавье, и тут сквозь застилающую взор пелену до него донесся голос Лидгейта:

— Вы опоили его? Неужели, по-вашему, это было необходимо?

— Думаю, что да, — последовал холодный ответ Ксавье. Подхватив Давенпорта под мышки, маркиз снова опустил его в кресло. Однако Давенпорт не остановился, когда его спина коснулась подушки. Он все падал и падал, не зная, за что ухватиться, не в силах сделать хоть что-нибудь ради собственного спасения.

Затем тьма нахлынула на него и поглотила целиком.

Двумя неделями раньше

— Уволена? — только и смогла выговорить Хилари Девер, со все возрастающим чувством ужаса глядя на высокую худую женщину за элегантно-письменным сто-

лом. — Но... но ведь вы всегда были довольны моей работой, мисс Толлингтон. Я не понимаю...

Академия мисс Толлингтон для молодых девиц из благородных семей заменила Хилари родной дом с тех пор, как ей исполнилось шестнадцать лет. Вся ее жизнь была связана с ней, сначала в качестве ученицы, а затем преподавательницы танцев и изящных манер. Ни одна девушка не покидала заведение мисс Толлингтон, не получив самую основательную и суровую подготовку в том, что касалось балов, этикета и поведения в свете, от мисс Хилари Девер.

В данный момент Хилари, уже достигшая двадцатилетнего возраста, находилась под опекой человека, у которого имелось столько воспитанниц, что он совсем забыл о ее существовании. Что, впрочем, Хилари вполне устраивало, ибо последней партией, которую лорд Девер пытался ей навязать, был старый беззубый развратник восьмидесяти лет.

Она отдала академии все силы — и вот теперь в ее услугах больше не нуждались.

К чести мисс Толлингтон, на ее худом некрасивом лице отразилось искреннее сожаление. Она достала маленький кружевной платочек и поднесла его к губам.

— Видите ли, ко мне недавно явилась с визитом леди Эндикотт.

Хилари прикусила губу. Леди Эндикотт принадлежала к семейству Блэков и отличалась крайним высокомерием. Отношения между Блэками и Деверами никогда нельзя было назвать дружескими.

— А какое отношение имеет к этому леди Эндикотт? — Хилари знала заранее, что какими бы ни были слова ее светлости, ничего хорошего они ей не сулили.

— К сожалению, леди Эндикотт имеет самое прямое отношение к управлению академией. — Мисс Толлингтон заморгала, морщинки у ее рта сделались глубже. — Дело в том, мисс Девер, что ее светлость — наша новая дама-патронесса.

— Ох! — Хилари стиснула кулаки так, что ногти вонзились в мякоть ладоней. — Да, я понимаю.

Что бы она ни делала, какой бы ни была, люди вроде
8 леди Эндикотт никогда не удостоят ее вниманием.

В глазах высокородной дамы Хилари была не более чем одной из этих *омерзительных Деверов*. Девушке из подобной семьи никак нельзя было доверить обучение юных дебютанток правилам приличия. И точка.

Ее душило отчаяние от собственной беспомощности. Она так старалась, работая здесь. Хилари даже не представляла себе, что еще могла сделать, чтобы убедить всех: она не такая, как все прочие Деверы, а хорошо воспитанная, добропорядочная юная леди, которая вовсе не заслуживает того, чтобы ее судили за грехи предков.

Даже в такую минуту Хилари не могла позволить себе понурить голову. Всегда надо держаться с достоинством, как бы скверно она ни чувствовала себя в глубине души. Но горечь поражения, по-видимому, отразилась на ее лице. Мисс Толлингтон между тем коснулась краешка глаза носовым платком, после чего сдавленным голосом произнесла:

— Мне так жаль, мисс Девер. Поверьте, если бы в моих силах было найти хоть какой-нибудь выход, я бы непременно его нашла, но...

Хилари одарила свою наставницу вымученной улыбкой.

— Пожалуйста, не стоит огорчаться, мисс Толлингтон. Я знаю, что будь это в вашей власти, вы бы оставили меня при себе.

Тут ей в голову пришла мысль.

— Наверное, помимо преподавания, в академии найдется еще какая-нибудь работа для меня. Я бы могла... могла...

Вряд ли бы она осмелилась признаться мисс Толлингтон в том, что готова была работать даже посудомойкой, лишь бы директриса позволила ей остаться. Сама мысль о возвращении в полуразрушенный дом в Линкольншире, к ее ужасным братьям, вызывала у девушки внутреннюю дрожь.

Директриса только покачала головой:

— Боюсь, это невозможно, моя дорогая.

Хилари задавалась вопросом, уж не потребовала ли леди Эндикотт избавиться от ее оскверняющего присутствия в академии полностью и безотлагательно. Мужчины из рода Деверов слыли неотесанными грубиянами, а женщины — отчаянными сорвиголовами, не обремененными мо-

ралью и не слишком разборчивыми в выборе партнеров. Одна из Деверов, даже просто находясь в стенах академии, пятнала честь учениц этого благородного заведения.

Едва сдерживая негодование, девушка произнесла:

— Предрассудки. Все это не более чем предрассудки.

Ее эмоции нуждались в физическом выходе. Хилари вскочила с кресла и принялась расхаживать взад и вперед по комнате, отчаянно пытаясь найти какой-нибудь выход, лишь бы не возвращаться в Ротем-Грейндж.

— Если бы только леди Эндикотт согласилась дать мне аудиенцию, я бы сумела убедить ее светлость оставить меня здесь. Я знаю.

— Боюсь, что нет, мисс Девер, — мягко ответила мисс Толлингтон. Поднявшись с места и обогнув письменный стол, директриса подошла к Хилари и положила руки ей на плечи. Никогда прежде она не делала ничего подобного, и это прикосновение растрогало девушку больше, чем она могла выразить на словах.

— Мое дорогое дитя, — пробормотала мисс Толлингтон. — Мне так грустно с вами расставаться. Но распоряжение леди Эндикотт навело меня на мысль, что я поступала эгоистично, держа вас при себе.

— Эгоистично? — Хилари не верила собственным ушам. — Те пять лет, что я провела здесь, были самыми счастливыми в моей жизни!

Бледно-голубые глаза директрисы светились состраданием.

— Да, я знаю. И именно поэтому считаю, что вела себя эгоистично. Вам нужно жить, мисс Девер.

Она обвела рукой вокруг себя, как бы показывая свой уютный, обитый дешевым чинцем* кабинет, который всегда так нравился Хилари.

* Чинц, или английский ситец, — лошенная хлопчатобумажная ткань, поверхность которой производит впечатление натертой воском. Имеет особенное покрытие, придающее характерный блеск и противостоящее загрязнению, не пачкается и не намокает.

— Я вынуждена таким образом зарабатывать себе на жизнь, и я предана нашей академии потому, что считаю своим долгом выполнять любое дело, за которое берусь, как можно лучше. Но не заблуждайтесь ни на мгновение: обладай я вашим состоянием, вашими преимуществами и вашими связями, я бы не задержалась здесь ни на минуту дольше необходимого.

В горле у Хилари встал комок.

— Прошу прощения, но если вы и впрямь думаете, что у меня есть преимущества, вы очень мало знаете о моем истинном положении, — с трудом выговорила она. — Мои братья ни за что не согласятся вывезти меня в Лондон, чтобы участвовать в сезоне, и даже если бы они согласились, я не знаю ни одной респектабельной матроны, которая взяла бы меня под свое крыло. Мой опекун понятия не имеет, жива я или мертва, — да его это и не заботит. Мое состояние не настолько велико, чтобы заинтересовать его в выборе для меня подходящей партии. Кроме того, я не вправе распоряжаться своими деньгами до тех пор, пока мне не исполнится двадцать один год, так что и они мне не помогут.

— И все же эти препятствия нельзя назвать непреодолимыми, — с мягкой улыбкой ответила мисс Толлингтон. — Я уже написала одной своей старой знакомой, миссис Фаррингтон. Обе ее дочери вышли замуж и больше не требуют ее заботы. Только в прошлом месяце я слышала, что она не прочь немного развлечься теперь, когда ее пташки выпорхнули из гнезда. Разумеется, я ничего не могу обещать, но думаю, что она будет только рада оказать свое покровительство такой благородной и хорошо воспитанной юной леди в наступающем сезоне.

Сердце так и подскочило в груди Хилари. Странное ощущение, нечто среднее между восторгом и паническим страхом, пробежало по ее телу. Она моргнула и едва нашла в себе силы пробормотать слова признательности.

Лондонский сезон. Балы и рауты, пикники и музыкальные вечера...

— «Олмак»*, — выдохнула она.

Однако у нее не было ни одного наряда, пригодного для лондонского сезона, а тем более для одного из пышных балов по подписке, устраивавшихся в клубе «Олмак». Едва ли она...

Хилари отвергла все возражения, решительно пожав плечами. Раз ей представилась такая возможность, она ухватится за нее обеими руками и ни за что не упустит. Ее опекуны должны выделить ей долю из причитающегося ей наследства. Правда, в прошлом они всегда отказывали ей в этом, но если миссис Фаррингтон согласится ей помочь, то, возможно, Хилари и удастся усостыжить лорда Девера и его скользкого стряпчего, чтобы те оплатили хотя бы ее гардероб. Ей нужно попасть в Лондон и принять участие в сезоне любой ценой. И как только она там окажется, то будет вести себя с таким утонченным изяществом и благородством, что все сразу поймут: она не такая, как все прочие Деверы, — настоящая роза, выросшая среди терновника и ждущая только, чтобы кто-нибудь ее сорвал. А если Хилари очень, очень повезет, то она даже сможет найти себе мужа. При этой мысли девушка зажмурила глаза. Спокойного, доброго и покладистого. Хорошо образованного, возможно, ученого. Какого-нибудь деревенского сквайра, живущего в уютном поместье. Словом, полную противоположность ее собственным братьям — пьяницам, эгоистам и развратникам. И как раз такого человека она и рассчитывала встретить в Лондоне.

У нее было приличное, пусть и не блестящее, приданое. Никто бы не считал ее идеальной красавицей, но и дурнушкой ее тоже нельзя было назвать — по крайней мере Хилари очень на это надеялась. И она знала до тонкостей, как вести домашнее хозяйство, если бы ей представилась такая возможность.

* Олмак (Уильям Макколл) — основатель и владелец известного в Лондоне клуба и игорного дома в XVIII—XIX вв., где в описываемую эпоху устраивались великосветские балы по подписке.

Хилари обдумывала это предложение, и оно ей все больше нравилось. И ей следовало благодарить за все мисс Толлингтон.

Отбросив осторожность, девушка обвила руками плечи директрисы и крепко ее обняла.

— О, спасибо вам! Большое спасибо! Я не разочарую вас, мисс Толлингтон.

Мисс Толлингтон с улыбкой взглянула на нее.

— Вы никогда меня не разочаровывали, моя дорогая мисс Девер.

Хилари тут же мысленно дала себе клятву — очаровать миссис Фаррингтон настолько, что эта дама с радостью возьмет ее в Лондон и выведет в свет. Тогда она докажет леди Эндикотт и всему высшему обществу, насколько несправедливым было их предубеждение против нее. Найдет себе мужа, олицетворяющего те качества, которые восхищали ее больше всего. И после этого ей уже не придется возвращаться домой в Ротем-Грейндж.

Никогда.

— Дьявольщина! Тысяча чертей!

Целая череда еще более крепких ругательств сорвалась с губ Давенпорта, когда пульсирующая боль в голове стала совсем нестерпимой. Впрочем, как он вскоре убедился, источником его мучений была не только голова. Все его тело ныло.

Он лежал на подобии соломенного тюфяка в помещении, по виду похожем на амбар. Он понятия не имел, где он и как здесь очутился. На несколько пугающих мгновений, от которых сердце его замерло, а дыхание перехватило, Давенпорт уже подумал, что они в конце концов настигли его и заманили в ловушку. Те самые таинственные, безмянные они, которые неотступно следовали за ним в течение некоторого времени.

Что ж, по крайней мере руки у него не были связаны. И рядом не было охранника, чтобы остановить его при попытке к бегству. Через широко раскрытую дверь внутрь амбара просачивался блеклый, водянистый свет.

Когда его дыхание успокоилось, а рассудок немного прояснился, Давенпорт опустил голову на солому и облегченно вздохнул, все вспомнив. Ксавье, приправивший бренди снотворным, Бекингом и Лидгейт, тайком вывезшие его из Лондона...

Едва очнувшись и взглянув на своих похитителей, граф тотчас же набросился на них с кулаками. То была самая обычная драка, без стиля, без правил. Вряд ли такое сошло бы ему с рук в боксерском салоне у Джексона. Давенпорт невольно ухмыльнулся, вспомнив особенно крепкий удар снизу прямо в челюсть Бекингема. Однако при этом пострадала его правая рука, и, судя по ее виду, он вполне мог получить перелом. Давенпорт разжал пальцы и снова выругался. Возможно, не перелом, но... Что ж, хоть одна отрадная новость.

Разумеется, кузены превосходили его силой. Вряд ли он мог тягаться с ними двумя, несмотря на то что дрался на удивление хорошо для человека, которого опоили снотворным, швырнули на фермерскую телегу и увезли из города.

На его лбу залегла хмурая складка. Стейна с ними не было. Маркиз предоставил другим делать всю грязную работу. Вполне в его духе. И очень жаль. Давенпорту доставило бы ни с чем не сравнимое удовольствие дать надменному маркизу пинок между ног.

Снотворное. Этого граф не предвидел. Но ему следовало бы догадаться, что когда Уэструдеры решают что-то сделать, то всегда добиваются своего. С его стороны было глупостью ослабить бдительность. Ему надо было послать их всех к чертям еще до того, как они загнали его в угол в доме Стейна накануне вечером.

Который, собственно, сейчас час? Погода не была солнечной, однако, судя по проникавшему в амбар свету, Давенпорт понял, что на дворе уже день. Он вынул часы и обнаружил на крышке вмятину. Без сомнения, еще одно последствие его стычки с Лидгейтом и Бекингом. Оставалось

надеяться, что они оба получили свою долю синяков

Он поднес часы к уху и услышал размеренное тиканье. Значит, несмотря на повреждение, они все еще шли. Часы показывали уже два часа дня. Стало быть, полдень давно миновал.

Ему нужно было подняться на ноги, однако почему-то не хотелось покидать относительный покой терпко пахнувшей соломы, чтобы испытать возможности собственного тела. Хорошо еще, что кузены не швырнули его в свинарник или в корыто, из которого поили лошадей. Но было уже слишком надеяться на то, что они ждали его где-то рядом, готовые отвезти незадачливого родственника в более цивилизованное место, вроде боксерского клуба Криббса или его собственный особняк в Мейфэре.

Где же он, черт возьми?

Через минуту он встанет на ноги и выяснит это. Всего одну минуту...

Эта минута, как ему показалось, пролетела слишком быстро.

Давенпорт закрыл глаза, стиснул зубы и, несмотря на то что все его тело ныло от боли, поднялся.

Спустя примерно час Давенпорт уже ехал верхом сквозь морозящий дождик в сторону Стамфорда. Он взял на время крупного приземистого мерина у фермера, в чьем сарае он был брошен, и выяснил у него направление до ближайшей почтовой станции.

Как оказалось, кузены бросили его посреди Линкольншира, за многие мили от его усадьбы, без денег и без какого-либо средства передвижения. В том состоянии, в котором он находился — избитый, в синяках, весь покрытый кусочками соломы, — Давенпорту понадобилось все его природное высокомерие, обаяние и сила убеждения, чтобы уговорить фермера расстаться с лошастью.

Тем не менее Давенпорт твердо намеревался сдержать слово. В кармане у него еще оставалось несколько мелких монет, и он заплатит какому-нибудь конюху